

СУБЪЕКТИВНОСТЬ В КАЧЕСТВЕННОМ ИССЛЕДОВАНИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Автор: О. Б. САБИНСКАЯ

САБИНСКАЯ Ольга Борисовна - кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии РАН.

Качество социологического исследования *в традиционном научном подходе* оценивается по критерию его объективности/субъективности, предполагая, что только объективное исследование может характеризоваться как надежное, валидное, достоверное. В оценке качественных исследований эта проблема всегда оставалась в центре критики их познавательной природы. Причина тому такова: процесс качественного исследования чаще всего предполагает на этапе сбора данных проведение неформализованных или полужформализованных интервью. При этом каждое интервью представляет собой уникальный разговор, который может критическим образом повлиять на дальнейший ход анализа данных и даже на основные выводы. В этом смысле личность исследуемого, как и интервьюера, играет важную роль. Для сравнения, количественное исследование, предполагающее большие репрезентативные выборки, лишено такого сильного воздействия личности отдельно взятого исследуемого на результаты; и, тем не менее, вопрос эффекта интервьюера всегда привлекал внимание методологов.

Очевидно, что в качественном исследовании, при социальном приближении к объекту, объект - человек - начинает значительно сильнее влиять на ход исследования, то есть все больше приобретает свойства субъекта исследовательского процесса. Но что дает близкое и детальное "рассмотрение" его личности? Что значит для познания социальных процессов повышенное влияние исследуемого и его субъективности? Могут ли полученные данные и аналитические выводы приобрести в результате статус научного знания? И каковы вообще могут быть критерии научного знания в современных социальных науках? Ответы на поставленные вопросы активно поднимались в последние годы и в дебатах социологов о субъективизме качественного исследования. При этом, в последнее время все большую популярность стал приобретать подход, рассматривающий эту особенность качественного исследования скорее как познавательный ресурс, нежели как методологический недостаток. Рассмотрим подробнее, как происходило формирование этого направления.

Базовые теоретические основания "субъективного" подхода в социологии. Объективизм в социальных исследованиях предопределен позитивистским подходом и базируется на сложившихся еще в XIX веке канонах научного познания. Эти принципы наиболее ярко выражены в трудах Декарта, разделяющего и противопоставляющего "объективный" внешний материальный мир и познающий его духовный субъект [1, с. 269]. Объективное несмещенное познание "мыслящего субъекта" (*ego cogito*) предполагает как можно меньшее вторжение в изучаемый, но онтологически независимый от него окружающий мир. Эти каноны эпистемологии были приняты не только в естествознании, но и в социальных науках. В количественных методах социальных наук они закре-

пились в принципах минимизации субъективного фактора и эффектов межличностного влияния на всех этапах исследовательского процесса.

Вместе с тем, XX век стал ареной активного развития таких подходов как феноменология, социальный релятивизм и конструктивизм. Отталкиваясь от постулатов Декарта, феноменологи восстанавливают целостность познающего и познаваемого, вводя понятие интенциональность мышления. "Поскольку мысли всегда соотносятся с предметами, которые находятся в поле нашего опыта, постольку и каждый мыслительный акт, воспоминание, образ и т.п. должен быть мыслью о чем-то, воспоминанием, образом какого-то объекта, который мыслится, вспоминается, воображается" [2, с. 29]. Феноменологи признают "объективный смысл" социального. Однако возможность его существования связывают только с результатом осмысленной деятельности взаимодействующих субъектов. При этом, "объективный мир конституирован всеми нами, и любой из нас (дабы иметь одинаковый опыт и приобретать одно и то же знание) заменим на любого другого, точно так же конституированного *alter-ego*". Таким образом, "объективный смысл" является общим и связующим отношением между потоками сознания субъектов, т.е. их "запасом наличного знания". Посредством интенциональных актов это общее связующее отношение конституирует intersубъективную реальность" [2, с. 30]. В результате "реальный мир и в самом деле может существовать без познающего субъекта, но его смысло содержание может быть конституировано только познающим субъектом" [2, с. 32]. Далее, идея "субъектного" конституирования социального мира развивалась в известной работе П. Бергера и Т. Лукмана [3]. Идеям действующих субъектов, формирующих социальный мир, и процессам его объективации уделяли центральное внимание П. Бурдьё [4], Ю. Хабермас [5], Э. Гидденс и другие видные социологи второй половины XX века.

Понимание субъективизма в качественной методологии. Активное освоение микропрактик конструирования социального мира происходило в кругах эмпирических методологов. Это не было единственным направлением в развитии качественной методологии.

Постпозитивистский подход. В качественных, как и в количественных исследованиях встречаются сторонники позитивистских канонов понимания "субъективности". Они продолжают сложившуюся в рамках позитивистского подхода традицию противопоставления "объективности" и "субъективности". С этой точки зрения "объективность" предполагает беспристрастного, стоящего в стороне от изучаемого объекта или процесса ученого, обладающего особыми профессиональными техниками нейтрализации своего индивидуального восприятия. Такая позиция позволяет собирать данные, которые впоследствии можно сопоставлять, сравнивать, измерять одной шкалой. В этой парадигме "субъективность" становится некоторым "информационным шумом", той характеристикой, которая, внося в исследование субъективные смыслы и мнения респондентов, лишает возможности ученого подвергнуть собранные данные количественному сравнению. В результате не возникает объективной истины, которая понимается как обобщение, универсальная закономерность, основанная на статистическом выводе. Несмотря на то, что такое понимание "объективности" и "субъективности" идеально подходит для логики математических выводов, оно нашло своих преемников и в рядах социологов-"качественников".

Точные даты развития этого подхода к пониманию субъективности в качественном исследовании определить сложно. Однако можно утверждать, что разработанный чикагскими социологами 1920-х годов метод аналитической индукции скорее развивался в русле этой логики [6]. Классическая "укорененная теория" ("Grounded theory") хотя и выдвинула тезис о назначении качественной методологии как стратегии построения теории среднего уровня, тем не менее, остается в том же поле. Она основана на логике научного вывода, признающего объективные, надежные данные. Авторы "укорененной теории" и их последователи придерживаются этого подхода по сей день.

Б. Глезер, основатель подхода "Grounded theory" или GT (так эту теорию называет Б. Глезер, и я использую ниже этот термин), рассматривает свою концепцию как объективную, поскольку она следует канонам большинства научных методов. Так, на этапе сбора данных приветствуется самый неструктурированный со стороны исследователя рассказ: "Многие GT интервью - это очень пассивное слушание". Впоследствии интервью становятся одним из типов данных, наряду с многими другими - наблюдениями, статистикой и прочими данными. Далее, все они воспринимаются как существующие неза-

висимо от исследователя, а потому "объективные" данные. И здесь вопрос об их правдивости не ставится. Они все имеют равное право быть использованы в обосновании генерируемой теории. Исследователь, работая в соответствии с правилами GT, скрупулезно изучает и сравнивает все данные и создает теоретические концепты, основанные (укорененные) на этих данных. При этом, "продукт GT - это абстрагирование от времени, места и людей, что освобождает исследователя от тирании по поводу естественных отклонений со стороны людей, пытающихся достичь аккуратного описания, чтобы решить беспокоящую проблему точности. Абстрагирование освобождает исследователя от сомнений по поводу данных, и фокусирует его внимание только на концептах, которые подходят или релевантны имеющимся данным" [7]. В поздней работе Б. Глезера смысловые смещения, связанные с "личными интерпретациями" исследователей, оправдывает методом, напоминающим количественный подход: "Исследователи... в процессе сбора, и кодирования данных ... могут внести в данные собственные смещения или интерпретации... Но эти данные могут быть представлены объективно (что признано большинством исследовательских методов и в частности GT) при помощи рассмотрения многих случаев одного феномена, когда кодируются и объединяются все данные, и тогда корректируются все отклонения, а результаты становятся объективными" [7].

С точки зрения Б. Глезера, основное достоинство GT - это привязанность к данным: любое умозаключение должно исходить из имеющихся у исследователя данных, воспринимаемых им как факты. Он критикует "конструктивистские" стратегии за то, что они часто не имеют ничего общего с действительностью, поскольку не представляют, на основании каких данных они были получены. "Необоснованная данными теоретическая последовательность - это всего лишь свойственный ученым способ сказать логически связанное предположение, не подкрепленное фактами, которое выглядит всегда ясно, изящно и аккуратно. Но это вряд ли означает, что это предположение имеет какое-то отношение к тому, что происходит, а чаще всего не имеет никакого отношения!" [8].

В работах Глезера явно различается позиционирование мнений "обычных людей" (интервьюируемых) и "экспертов" (ученых), работающих в команде. Интервьюируемые воспринимаются как внешние источники данных, независимые от исследователя, и потому "плоды" их мыслительной деятельности могут восприниматься как реальные, или "имеющие связь" с реальностью. Результаты же мыслительной деятельности самого социолога, если они имеют некоторые "личные интерпретации", как реальные или относящиеся к реальности восприниматься не могут и должны быть подкорректированы общим (доминирующим) мнением команды как единственно "объективным". Такое различие ролей исследуемых и исследователей в формировании концептов или генерирования теории можно назвать "дуализмом" Глезера.

Перейду теперь от принципов обозначенного подхода к практике их воплощения. Как может выглядеть ситуация сбора данных, нормированная пост/позитивизмом? Критерии очень близки тем, что так хорошо продуманы в рамках позитивистского количественного исследования.

- * Рамки интервью определены заранее исследователем и зафиксированы в гайде - сценарии интервью.
- * Интервьюер использует техники снижения "эффекта интервьюера" и занимает (эмоционально и когнитивно) нейтральную позицию.
- * Респондент старается "вместить" свой уникальный индивидуальный опыт и установки в задаваемые вопросы; "нейтральная" позиция интервьюера не мешает, но и не стимулирует респондента открывать новые темы в разговоре.

Идеальная модель отношений в интервью с точки зрения модели качественного исследования Б. Глезера может быть представлена следующим образом (см. рис. 1). Здесь интервьюер и респондент занимают скорее позиции объектов. Респондент оказывается объектом исследования в связи с декартовским постулатом, разделяющим исследователя и исследуемого на субъект и объект. В случае же с интервьюером в модели Глезера, как и в моделях количественных исследований, интервьюер на практике в большинстве случаев не является исследователем, а некоторым по возможности не влияющим на ход разговора сборщиком внешних (для исследователя) и объективных данных.

Конструктивистский подход. В 1990-е годы подход Глезера, несмотря на полное соответствие научным канонам, стал критиковаться специалистами по качественной методологии [9]. Им стало очевидно, что нормативная "отстраненность" интервьюера в ходе глубинного интервью малопродуктивна. Более того, проблемность интерпретации

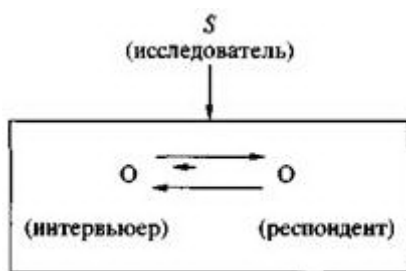

Рис. 1. Модель отношений в интервью с точки зрения пост/позитивизма

данных и жанров репрезентации результатов интерпретации явно не давали ответа в рамках постпозитивизма. Практика исследований ставила вопросы, на которые надо было искать адекватные ответы. И ответы появились в другом подходе в качественной методологии, который И. Губа и Й. Линкольн называют "конструктивистским" [10, р. 105 - 117]. Для теоретической социологии этот поход был не нов; он основывается на феноменологии А. Шютца и его последователей, продолжая их идеи в эмпирической практике.

Этот подход постулирует, что каждый жизненный опыт изучаемого человека индивидуален. И именно благодаря тому, что он индивидуален, исследователь имеет возможность получать новые и новые идеи, новые смыслы, новые обозначения исследуемого объекта, феномена и пр. Далее, ученых интересует и процесс внедрения новых смыслов в социальную реальность, то есть то, как каждый человек через свое уникальное субъективно-личностное понимание окружающего социального мира транслирует и формирует интересубъективные смыслы. Предполагая, что социальная реальность постоянно изменяется посредством смыслообразующей деятельности людей, сторонники этого подхода также придерживаются принципа относительности и изменчивости социальных смыслов и социальных правд. Таким образом, сформированные новые принципы познавательной деятельности меняют и отношение к проблеме "субъективности". Она видится главным источником социальной информации, позволяя выявить и зафиксировать многообразие жизненного опыта и социального мира.

В рамках "конструктивистского" подхода предложено и новое видение глезеровской "укорененной теории". Так, К. Чармаз подвергает критике работы Б. Глезера и А. Стросса по созданию GT и предлагает свой вариант развития этой методологии - "конструктивистскую GT". Рассмотрим, как выглядит ее концепция.

К. Чармаз называет позицию создателей GT Б. Глезера и в меньшей степени А. Стросса и Дж. Корбин [11] близкой к позитивизму, "с предположениями об объективной внешней реальности, о нейтральном наблюдателе, который открывает данные, и об объективистском изложении данных". Вместе с тем, Чармаз признает, что их концепцию скорее можно назвать постпозитивистской, поскольку "они предлагают предоставление голоса респондентам, репрезентируя их настолько точно, насколько возможно, открывая и признавая то, как респонденты видят реальность, даже если их взгляд контрастирует со взглядом исследователя, и признают искусство, так же как науку, в аналитическом процессе и его результате" [12, р. 250]. Дальнейшее развитие "grounded theory" Чармаз видит в создании "конструктивистской GT", которая бы признавала "относительность множества социальных реальностей, взаимное создание знания наблюдающим и наблюдаемым, важность интерпретации субъективных значений" [13]. С методической точки зрения "конструктивистская GT" предполагает "использовать методы GT как гибкие эвристичные стратегии, а не как формализованные процедуры" [12, р. 251].

Проанализирую каждую из предложенных К. Чармаз характеристик конструктивистского подхода. *Первый принцип* - признание "множественности голосов, точек зрения, видения своего жизненного опыта". Этот принцип предполагает репозиционирование исследователя в исследовательском процессе. Исследователь видит в собеседнике-информанте не "объективную реальность, предоставляющую данные", а живого субъекта социального процесса, имеющего свои ценности и интересы по изучению и, в конечном счете, разрешению отдельно взятой проблемы. Таким образом, ценности и знания исследователя - это одно из представлений об изучаемой проблеме, наряду с пред-

ставлениями других включенных в исследование "экспертов", "специалистов" и "обывателей".

Второй принцип развивает первый. Конструктивистский подход признает, что исследователь является частью исследуемого: исследователь собирает данные и анализирует их только посредством взаимодействия с исследуемыми. "Данные сами по себе не обеспечивают окно в реальность, - пишет К. Чармаз. - Скорее, "открывающаяся" реальность возникает из интерактивного процесса и его временных, культурных и структурных контекстов. Исследователь и другие субъекты задают рамки этому взаимодействию и обсуждают значения этого. Таким образом, смотрящий становится частью того, что он рассматривает, а не является чем-то отдельным от этого. То, что смотрящий видит, формирует то, что он или она будут определять, измерять и анализировать" [12, p. 273].

Третий принцип также исходит из понимания исследования как интерактивного взаимодействия субъектов. Знание как результат исследования начинает формироваться до момента встречи исследователя и исследуемого, тогда, когда исследуемый получает жизненный опыт и придает ему свое субъективное значение. Практика *означивания* социального мира в контексте проживания конкретных социальных ситуаций - главный познавательный фокус конструктивистской GT. К. Чармаз пишет: в процессе получения и анализа данных важно то, "как "переменные" обосновываются - приобретают смысл и разворачиваются в жизни субъектов. Их значения и действия становятся приоритетными по сравнению с аналитическими интересами исследователя и методологической технологией" [Там же]. В процессе сбора данных ценности и убеждения важны не меньше, чем произошедшие ситуации и сформированные структуры.

Однако ценности и убеждения не всегда легко раскрыть в процессе интервью. И иногда этому мешает именно "объективистски" отстраненная позиция исследователя. В такой ситуации респондент старается рассказывать историю частично, поверхностно, так, как это было бы более приемлемо для нормированного публичного дискурса. И только личностное включение исследователя-интервьюера, проявляющего симпатию и сочувствие, поможет собеседнику рассказать историю с помещением ее в его личные ценностные рамки. Таким образом, поиск субъективных смыслов респондентов неизбежно требует проявления субъективной индивидуальности и от исследователя в ситуации взаимодействия.

Конструктивистский подход в применении обоснованной теории - один из примеров использования субъективизма в качественном исследовании. При конструктивистском подходе качественное исследование характеризуется активным межличностным взаимодействием исследователя, который часто берет на себя роль интервьюера, с представителями изучаемой социальной группы. Здесь наиболее ярко проявляется принцип "субъект-субъектных" взаимодействий в процессе всего исследования, как отношения исследователя и исследуемого на этапе сбора данных (см. схему 2), так и другие субъектные отношения на других этапах исследовательского процесса. При этом субъективность субъектов или участников исследовательского процесса оказывается принципиально важной характеристикой познавательного процесса.

Охарактеризую подробнее, как меняются акценты при проведении интервью в конструктивистском стиле.

* Свободная форма выражения мыслей респондентом (информантом) позволяет респонденту проявлять свою субъективность.

* Меняется роль интервьюера. Он идет за ходом мысли информанта, и потому в большей степени наделяется правом выбора вопросов, тематического блока. Более того, интервьюер имеет право (в некоторых случаях обязанность) высказывать свою точку зрения, реинтерпретировать сказанное интервьюируемым, может использовать любые (в том числе провокационные) техники стимулирования беседы и раскрытия субъективности собеседника.

* Ход интервью и рамки не могут быть определены заранее, гибкость исследования приветствуется изначально.

* Цель интервью - конструирование социальной реальности, в которой учитываются позиции респондента как представителя исследуемой реальности, а также позиции интервьюера как активного собеседника.

* Процесс конструирования реальности продолжается на последующих этапах исследования, в ходе которых исследователь осознает свои позиции и фиксирует свою точку зрения как один из многих, выполняя принцип множественности.

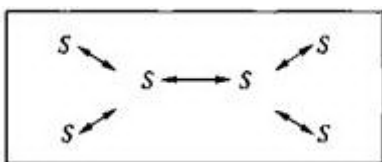

Рис. 2. Модель отношений в интервью в "конструктивистском" исследовании

Таким образом, в конструктивистской модели качественного исследования субъективизм присутствует и признается на всех этапах именно вследствие того, что изучаемая реальность воспринимается не как внешняя, не подвергающаяся влиянию социолога, а как окружающий его мир, с которым исследователь в процессе поиска активно и творчески взаимодействует. И только это уникальное взаимодействие доступно исследователю для описания и анализа изучаемого мира.

Деятельностный подход. Еще более выражена идея значимости социального действия в процессе исследования в деятельностном подходе, набирающем все большую популярность в последние годы среди методологов. Фокус поиска здесь шире: речевой дискурс изучается в процессе социального действия.

Это подход еще больше отходит от принципа отстраненности исследователя от изучаемых процессов. Наоборот, постулируется, что только погружение в гущу событий позволяет исследователю расширить свои исследовательские возможности. Во-первых, на "входе", в процессе сбора данных деятельностный подход позволяет получать данные об изучаемой реальности в контексте происходящих действий и, таким образом, расширяет познавательные возможности, спектр и глубину получаемой информации. Во-вторых, включенность исследователя в социальные практики и контакт с исследуемыми дает больше возможностей для адаптации и внедрения полученных результатов исследования и написания рекомендаций по решению социальной проблемы.

Субъективность в этом подходе понимается как субъектность, а исследовательский процесс - как социальный процесс или практика, в котором все ее участники - субъекты действия (в этом смысле модель исследовательского процесса близка к изложенной на рис. 2). Изучение субъективного предполагает активную позицию изучаемого как субъекта действия. Во многом эта концепция была разработана феминистскими методологами [14]. Субъективность понимается как характеристика, присущая каждому члену общества как субъекту социального действия. Он имеет определенную позицию, определенный опыт, с точки зрения которого он говорит, и, таким образом, наделен некоторыми естественными властными полномочиями "говорить от лица своей группы, с точки зрения своей социальной позиции". И, исходя из своего субъективного опыта и знания, у него сформирована некая мотивация к разговору, некоторая воля к разговору как социальному действию, предопределяющая вектор разговора и дискурса.

Эта характеристика субъективности полезна для качественного исследования, поскольку позволяет увидеть и зафиксировать позицию исследуемого человека, его отношение к обсуждаемой проблеме или явлению. И именно такого рода субъектность позволяет говорить о том, что участники исследовательского процесса в разговоре формируют некие действия. Только позиция, базирующаяся на отношении к проблеме и имеющая за собой жизненный/профессиональный опыт, дает возможность говорить о формировании действия, готовности к действию или о мотивах происходящего. Личностная позиция и провозглашение готовности действовать также дают возможность проследить, как речь согласуется с поведением говорящего и с социальными практиками, в которых он участвует.

Одна из стратегий социального исследования, чаще причисляемая к качественной методологии, где этот подход к субъективности был реализован, - это action-research (AR), или "исследование действием" [15]. В этой стратегии процесс взаимодействия изучающего и изучаемого становится центром исследовательской практики, как и практический результат или социальные изменения, порождаемые в процессе исследования. "Исследование действием" фокусируется на изучении социальных процессов как мотивированное субъектами постоянное поддержание либо изменение социального пространства и социальных практик.

Таблица 1

Исследовательские парадигмы и "исследование действием"

Философские основания	Позитивизм	Герменевтика и постмодернизм	Критический реализм и "исследование действием"
Онтология	Объективистская	Субъективистская	Объективистская
Эпистемология	Объективистская	Субъективистская	Субъективистская
Уровень теоретизирования	Общий	Частный	Частный
Рефлексивность	Методологическая	Гипер	Эпистемная
Роль исследователя	Дистанцирование от данных	Близость к данным	Близость к данным

Сторонники "исследования действием" не занимают чисто "субъективистскую позицию". Так, Д. Коглан и Т. Бранник [16, р. 4 - 5] считают, что "исследование действием" занимает особую позицию в ряду исследовательских парадигм (см. таблицу 1). Поясняя эту схему, они так определяют объективистский взгляд на онтологию ("природу мира"): "социальная и физическая реальности существуют независимо, первичны по отношению к человеческому сознанию, в противоположность субъективистской онтологии, предполагающей, что социальная реальность - это результат человеческого мыслительного процесса". Под "субъективистской эпистемологией" понимается "относительность"/"контекстуальность" получаемых знаний и отрицание возможности создания нейтрального языка теоретизирования.

Кроме общепарадигмальных установок в стратегии "исследования действием" "объективное" и "субъективное" противопоставляются как "внешнее" и "внутреннее". То есть "объективный" взгляд - это взгляд извне, тогда как "субъективный" - это взгляд "изнутри", взгляд участника социального процесса, который наделен знанием о смыслах и интенциях изучаемой практики. И поэтому субъективная, инсайдерская, точка зрения критически необходима для более полного изучения проблемы. "Исследование действием" - это форма "инсайдерского" исследования, и исследователь здесь должен обладать особым умением - умением репозиционировать себя. С одной стороны, он должен уметь наблюдать себя, свое понимание, свои практики как "инсайдера". С другой стороны, видеть себя, свое понимание и свои практики с точки зрения "аутсайдера", который не разделяет точку зрения "инсайдеров", но имеет возможность получить "инсайдерское" знание [15, р. 372]. То есть, исследователь в ходе "исследования действием" совершает постоянную смену позиций, становясь субъективным "инсайдером" на этапе сбора данных и объективным "аутсайдером" на этапе анализа.

Таким образом, "исследование действием" формирует еще одно важное измерение "субъективности" социального исследования - "инсайдерская" включенность исследователя и его "субъектная" позиция в исследовании.

Субъективность и эпистемология: еще раз о природе знания в социальном исследовании.

Рассмотрение разных подходов к пониманию субъективизма и его роли в качественном социальном исследовании вновь приводит к отправной точке: какую ценность имеет социальное знание и какую роль оно играет в социальной жизни? Описанные выше два первых подхода как две противоположных парадигмы дают разные ответы на поставленные вопросы. Позитивистский подход говорит о возможности достижения объективной истины, конструктивистский - об относительности знаний, их ситуативности, историчности, контекстуальности. На практике исследователи чаще выбирают не один из подходов, а некоторую промежуточную позицию, что и представляет собой третий описанный подход (см. таблицу 1). Для иллюстрации обратимся к схеме К. Рамазаноглу и Дж. Холланд [17, р. 61 - 63], которые, ссылаясь на работы Д. Харравей [18], предлагают следующий континуум эпистемологических позиций (см. табл. 2).

Линия континуума соединяет две полярные позиции. На одном полюсе, отмеченном X, рациональное применение правил научного метода приводит к открытию Истины; таким образом создается валидное знание о внешней реальности, которое постоянно (или надежно) и независимо от исследователя. Крайняя позиция этого подхода - точка зрения Архимеда, или "взгляд Божьего глаза", предполагающий всезнающего наблюдателя, внешнего и независимого от наблюдаемого. Полюс Y характеризуется абсолютным релятивизмом. С этой точки зрения нет единственно верной абстрактной истины, а существует множество локальных правд и правил, между которыми не может быть

Таблица 2

Научный метод: эпистемологический континуум

<i>X</i>	<i>Как создается знание?</i>	<i>Y</i>
Абсолютная истина	Промежуточные позиции	Абсолютная относительность
Истина кумулятивная	Истина/правда, зависящая от обстоятельств	Множественность правд
Позиция Архимеда (единая точка опоры, позволяющая перевернуть весь мир)	Истина/правда как социальная конструкция Реальность как внешняя и ограниченная Знание как следствие жизненного опыта и социальной позиции познающего Производство знания как политический процесс	Несоизмеримая, неадекватная валидность

Источник: [17, p. 62].

иерархии. А поскольку существует множество правд, то нет однозначных и постоянных отношений между имеющимся знанием и некоторой внешней, независимой реальностью.

Как сказано выше, исследователи в своей практике занимают промежуточные позиции, предполагающие учет многих факторов социальной действительности, которые влияют на ход исследования: это широкие политические контексты и конкретные обстоятельства проведения исследования, исторический и жизненный опыт, психологические аспекты взаимодействия в ходе исследования и другие аспекты. В одних случаях все они при первоначальном стремлении исследователя к "объективности" "тянут" его в сторону субъективизма и релятивизма. В других исследователь сам начинает давать себе отчет в том, что только "локальное" знание может оказаться наиболее эффективной помощью в преодолении социальной проблемы.

Пути решения: рефлексивность и жанры письма. Проблема изменения отношения к пониманию субъективности в социальном исследовании требует, тем не менее, решения. Если субъективность в качественном исследовании неизбежна, более того, она может представлять собой не ограничение, а ресурс социального исследования, то как возможно им воспользоваться? И решение это видится многими сторонниками новых подходов в рефлексивности как особом искусстве исследователя, позволяющем осознать субъективизм, определять его рамки, "контекстуализировать" получаемое в ходе исследования знание.

Процесс исследовательской рефлексии - это "маятниковое качание" или искусство постоянной смены собственной позиции, перехода от роли главного действующего лица изучаемого процесса к роли отстраненного наблюдателя, в том числе наблюдателя за самим собой. Это также "качество исследователя, которое позволяет ему приближаться или же абстрагироваться, отдаляться от исследуемой темы" [17, p. 184 - 185]. То есть, рефлексивность предполагает два важных умения. С одной стороны - умение позиционироваться: выбирать теоретический подход-перспективу, осознать свою позицию в исследовательской практике как социальном действии и все контексты и уметь действовать с точки зрения выбранной позиции. С другой, - умение абстрагироваться, оценивать свое участие в исследовании с точки зрения "социально других" и себя как "социально другого" или умение "децентрировать" себя как исследователя.

Для повышения качества проведенного исследования выделяют как минимум два вида рефлексивности [19]. Во-первых, *методологическую рефлексивность*. Она связана с отслеживанием возможных поведенческих моделей исследователя и их влиянием на результаты исследования. Это то, что фиксируется в протоколах и процедурах выполнения тех или иных действий согласно выбранной методике. Этот тип рефлексивности традиционен; ему посвящены многие работы методологов. Во-вторых, необходимо выделять *эпистемную рефлексивность*, которая фокусируется на системе ценностей, убеждений исследователя и на поиске моделей критического анализа базирующихся на ценностной системе метатеоретических допущений. Этот тип рефлексивности менее распространен среди эмпириков, однако именно он оказывается стержневым для критического переосмысления исследовательского процесса.

Детальное внимание к процессам рефлексии, особенно эпистемной рефлексии, обращает взор исследователей к процессу исследовательского письма. Именно в исследовательском письме, начиная с первого этапа первичного анализа данных, начинает фиксироваться исследователем собственный рефлексивный процесс. Различия в выборе теоретического подхода, ценностей, моделей исследовательского поведения, предопределяющих дизайн сбора данных, порождают в итоге различные подходы к интерпретации данных, а те, в свою очередь, жанры исследовательского письма. Признавая относительность и ситуативность/контекстуальность получаемого в ходе исследования знания, сторонники конструктивистского и постмодернистского подходов фокусируются на коммуникативной значимости разных жанров исследовательского письма. Искусство повышения коммуникативной функции результирующего исследование текста зависит от умения исследователя учесть интересы и репрезентативно представить в тексте каждого участника исследовательского процесса - от заказчика до исследуемых.

Развивая эту идею, Л. Ричардсон [20] предложила заменить метафору "триангуляции" как процедуру соотношения разных точек зрения и образ валидности в качественном исследовании на метафору "кристаллизация". Она говорит, что "треугольник - это жесткий, фиксированный, двухмерный объект"; "кристалл" же - "растущий, меняющийся, многогранный, но не аморфный". Этот образ значительно лучше отражает образ исследовательской работы как структурирования и согласования множества интересов и правд, выявляемых в ходе исследования.

Принятие коммуникативной значимости качественного исследования как социального поднимает вопрос о позиционировании заказчика в рамках исследовательской деятельности. Оценка значимости заказчика приводит к утверждению о том, что исследование начинается не с написания программы, а с общения с заказчиком. Именно с оценки позиции заказчика начинается формирование программы. Признается также влияние (не всегда непосредственное) заказчика и на последующих фазах работы.

Сторонники "исследования действием" выдвигают еще один критерий результатов - их прагматическую значимость. Поскольку стратегия "исследования действием" предполагает, что исследуемые вместе с исследователем применяют на практике полученные в ходе работы знания, то результат практического применения будет главным критерием ценности и валидности самого поиска.

Изменение отношения к участникам исследования как к участникам социального процесса порождает новые нормы и модели поведения исследователя. Так, появляется интерес к формам исследовательской кооперации. В результате разрабатываются новые виды стратегий. Среди них - а) обучающее, б) действующее исследование. Здесь общение с заказчиком в большей мере вписывается в исследовательский процесс не только на этапе постановки задачи, но и на этапе внедрения получаемых в ходе исследования знаний в изучаемую социальную реальность [21]. При этом предполагается, что искусство сотрудничества и коммуникации исследователя оказываются в ряду решающих критериев оценки качества проведенного исследования.

Заключение: критерии субъективности. Описанные три подхода к пониманию субъективности показывают, что это понятие в методологии социального и, в частности, качественного исследования, перестает быть синонимом недобросовестности исследователя и плохого качества полученных результатов. Наоборот, субъективизм ученого становится новым ресурсом социального исследователя. Вместе с тем, признание субъективизма как ресурса знания налагает на исследователя обязательства по более тщательному рефлексивному осознанию не только применяемых в ходе исследования методических процедур, но и всего исследования как социального процесса:

- осознание ценностной позиции исследователя (децентрирование себя); признавать свою "научную нейтральность" несостоятельно;

- осознание и уход от "нормированных" идентичностей (признание множественности, фрагментарности, текучести);

- осознание и уход от пространственной универсальности (признание этнографических, культурных, тендерных и прочих различий как существенных);

- осознание и уход от временной универсальности (признание влияние биографического опыта ученого на исследовательский процесс);

- осознание и уход от стандартизации исследовательского письма. Выбор жанра письма делает распространение результатов исследования более эффективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декарт Р. Рассуждение о методе // Соч. в 2-х т. Т. 1. / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989.
2. Верлен Б. Субъективная точка зрения // Социол. обозрение. Т. 3. N 4. 2003.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Перевод Е. Руткевич. М.: Медиум; Academia-Центр, 1995.
4. Бурдьё П. Начала. Choses dites / Пер. с фр. (P. Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987) Шматко Н. А. М.: Socio-Logos, 1994.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева, послесл. Б. В. Маркова. СПб.: Наука, 2000.
6. Ключкина О. Б. Построение теории на основе качественных данных: страницы истории методологического подхода // Социол. исслед. 2000. N 10.
7. Glaser B.G. Constructivist Grounded Theory? [47 paragraphs]. *Forum Qualitative Sozialforschung I Forum: Qualitative Social Research* [On-line Journal. 2002, September], 3(3). Available at: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-02/3-02glaser-e.htm>
8. Glaser B.G. Naturalist Inquiry and Grounded Theory [68 paragraphs]. *Forum Qualitative Sozialforschung I Forum: Qualitative Social Research* [On-line Journal. 2003, October], 5(1), Art. 7. Available at: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/1-04/1-04glaser-e.htm>
9. Эти позиции, например, можно увидеть в сборниках Н. Дензина и Й. Линкольна: Handbook of Qualitative research / Ed. by Denzin N., Lincoln Y. Thousand Oaks et al.: Sage. 1994., Strategies of qualitative inquiry. Second edition / Ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. Thousand Oaks et al.: Sage Pub, 2003.
10. Guba E. The Paradigm Dialog. Beverly Hills, CA: Sage, 1990; Guba E., Lincoln Y.S. Competing paradigms in qualitative research // Handbook of Qualitative research / Ed. by Denzin N., Lincoln Y. Thousand Oaks et al.: Sage, 1994. P. 105 - 117.
11. Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research. Grounded Theory. Procedures and Techniques. Sage Publications. The International Professional Publishers. Newbury Park, London, New Delhi, 1990.
12. Charmaz K. Grounded theory. Objectivist and constructivist methods // Strategies of qualitative inquiry. Second edition / Ed. by N. Denzin & Y. Lincoln. Thousand Oaks et al.: Sage Pub. 2003.
13. Guba E., Lincoln Y. Competing paradigms in qualitative research // Handbook of Qualitative research / Ed. by Denzin N., Lincoln Y. Thousand Oaks et al.: Sage, 1994. P. 105 - 117; Schwandt T. Constructivist, interpretivist approaches to human inquiry Handbook of Qualitative research / Ed. by Denzin N., Lincoln Y. Thousand Oaks et al.: Sage, 1994. P. 118 - 137.
14. Harding S. Rethinking standpoint epistemologies: what is "strong objectivity"? // Feminist Epistemologies. Ed. by L. Alcoff and E. Potter. London: Routledge, 1993; Smith D. Institutional Ethnography: a sociology for people. Lanham et al.: AltaMira Press, 2005.
15. Kemmis S., McTaggart R. Participatory action research // Strategies of qualitative inquiry. Second edition / Ed. by N. Denzin & Y. Lincoln. Thousand Oaks et al.: Sage Pub. 2003. P. 336 - 396.
16. Coghlan D., Brannik T. Doing Action Research in Your Own Organization. 2nd Ed. L. et all., Sage pub. 2005. P. 4 - 5.
17. Ramazanoglu C., Holland J. Feminist Methodology. Challenges and Choices. L. et all. Sage pub, 2002 (2005). P. 61 - 63.
18. Haraway D. Simians, Cyborgs and Women: the reinvention of nature. L.: Free Association Books, 1991. P. 184 - 185.
19. Breuer F., Mruck K., Roth W. - M. Subjectivity and Reflexivity: An Introduction [10 paragraphs]. *Forum Qualitative Sozialforschung I Forum: Qualitative Social Research* [On-line Journal. 2002, September], 3(3). Available at: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-02/3-02hrsg-e.htm>
20. Richardson L. Writing: a method of inquiry // Handbook of Qualitative research / Ed. by Degzin N., Lincoln Y. Thousand Oaks et al.: Sage, 1994. P. 516 - 529.
21. Patton M.Q. Qualitative Research and Evaluation Methods. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications. 2002.